

Платон и К°

Сократ — президент

# Socrate Président

## (d'après *Gorgias* de Platon)

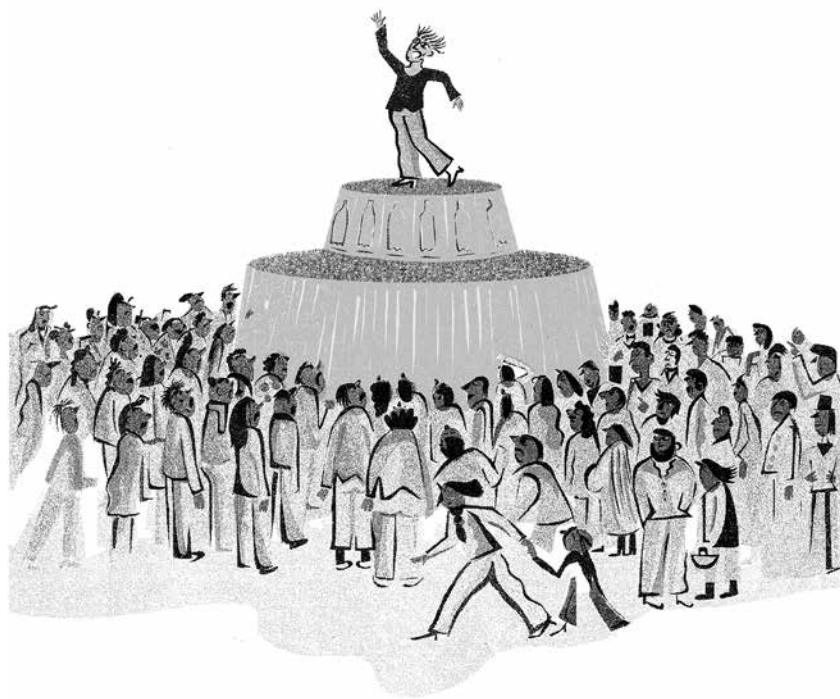
raconté par Yan Marchand

illustré par Yann Le Bras

# Сократ — президент (по мотивам диалога «Горгий» Платона)

Рассказчик Ян Маршан

Иллюстратор Ян Ле Бра



Ад Маргинем Пресс

Давным-давно люди знали день своей кончины. И знали, что накануне их посещают боги и выясняют, как они прожили жизнь: справедливо или нет. Справедливые удалялись после смерти на Остров блаженных. Тех же, кто жил нечестиво, поджидал трагический конец: их бросали в страшную темницу, где царил непроницаемый мрак, — её называли Тартаром.

Поскольку смертным не хотелось гнить в чреве Тартара, они взяли за обыкновение всячески прихорашиваться перед встречей с богами. Надевали лучшее платье, осыпали себя сверкающими драгоценностями и наводили в доме гармонию, раскладывая вещи с отменным вкусом. Что уж говорить о пище! Можно ли вообразить себе более изысканные блюда? Какие только усилия ни прилагались, лишь бы создать приятное впечатление и выглядеть безукоризненными.

И боги улыбались, не отдавая себе отчёта в том, что их просто водят за нос. Сражённые напускным блеском, они думали: «Какие превосходные люди!»

Однако все эти богатства были плодами честолюбия, лжи, предательств и убийств. Ведь деньги не падают с неба! Пурпурный плащ, как и дворец, несёт отблеск крови.

Ослеплённые роскошью, боги вели души мёртвых к великолепным берегам Острова блаженных.

Мало-помалу он превратился в разбойничье логовище.





Но самое страшное зрелище являли собой бедняки, которых бросали в Тартар. У несчастных была на ужин лишь прозрачная вода да лохмотья вместо одежды. Богам казалось, что души этих людей так же безобразны, как их тела и жилища. Однако причина их простоты была очевидна: эти смертные предпочитали жить в нищете, чем совершать несправедливости и богатеть за счёт угнетения других.





В итоге Тартар наполнился добрыми, но несчастными душами, тогда как Остров блаженных превратился в арену дебоша и беспорядков. Наконец боги поняли, что их обманывают. Они увидели, что люди способны на любые уловки, лишь бы скрыть за прекрасной видимостью свои мелкие душонки.









Чтобы положить конец череде этих ужасных ошибок, боги решили судить людей после смерти. Подсудимые представляли перед судьями без дома, без пиршественного стола и без драгоценностей — с одной нагой душой. Ведь душа не способна лгать — она несёт отметины истинной жизни: на ней отпечатываются все поступки и слова, справедливые и несправедливые, совсем как на глине, которая, затвердевая, сохраняет следы прикоснувшихся к ней рук.

Желая поскорее исправить положение, боги доверили роль судьи самому непреклонному из них — древнему королю Миносу. Обмануть его не могла ни одна душа. Он без усталости сбрасывал злых в пучину, а добрых возносил на небеса.

И такой порядок длился тысячелетиями.

Но сегодня Минос встревожен. Он не может беспристрастно пользоваться своей властью: ведь в последние несколько веков праведные души попадают чрезвычайно редко. Темницы Тартара переполнены. Набиты битком так, что яблоку негде упасть. Ещё чуть-чуть — и за вновь прибывшими не закроются двери.

Так не может далее продолжаться, в противном случае придётся из-за нехватки места выпускать на волю виновных. От одной мысли об этом могущественный Минос бледнеет, как полотно. Так вопрос ставить нельзя.

Ему нужно что-то придумать. И после долгих дней размышлений преисподнюю оглашает победоносный крик: «Эврика!»

Минос летит на Остров блаженных и там, на склоне холма, замечает душу Сократа, греющуюся на солнце Добра. Сократ был мудрейшим и честнейшим философом, и душа его чиста, как кристалл.

— Сократ, друг мой, не мог бы ты оказать мне услугу? — обращается к нему Минос.

— Минос, ты прервал цепочку моих размышлений. Чем я могу быть тебе полезен?

— Хочу тебя воскресить.

— За что ты меня наказываешь? Мне здесь так замечательно. Чем я провинился?

— Ты тут ни при чём. Просто мои тюрьмы переполнены несправедливыми душами. И каждый день прибывают новые. Я знаю, что из всех душ, которые я судил, лишь твоя отличалась безупречностью. И я хочу, чтобы ты вернулся в мир и помог людям стать лучше. Ты хорошо знаешь, что такое справедливость, и сможешь передать свои знания другим.

— О Минос, я знаю, что ничего не знаю.

— Не скромничай. Справедливым не становятся по воле случая.

— Допустим, я весьма сведущ в вопросах справедливости, но ты не можешь не согласиться с тем, что я не силен в преподавании. Все мои жизни завершились казнями. Я был заключён в темницу, сожжён, повешен, гильотинирован. Неужели ты хочешь, чтобы меня усадили на электрический стул? Такова, по-моему, традиция эпохи, в которую ты хочешь меня забросить? Я не справлюсь.

— Не беспокойся, Сократ, я всё предусмотрел. Следуй за мной!

Сократ и Минос покинули Остров блаженных и поспешили в Тартар. Едва распахнулись тяжёлые двери, как наружу высунулись руки и ноги и послышались сдавленные крики.





Сократ с отвращением проходит в этот вертеп. Среди узников он узнаёт лица из прошлого. Он видит королей, чьей властью творились самые чудовищные злодеяния. Видит богачей, души которых покрыты рубцами от лжи и лицемерия. А ещё чаще — политиков, чьи языки распухли от невыполненных обещаний. Сократ останавливается.

— Минос, что мы здесь делаем? Я не совсем понимаю, как эти души помогут улучшить людской род.

— У меня есть то, что тебе нужно. Взгляни вон туда. Узнаёшь эту душу?

— Нет. Я вижу лишь язвы, пыль и грязь.

— Естественно, ты ведь видишь душу, загрязнённую тысячами ошибок, но одень её в прекрасную тогу, добавь красиво вьющиеся волосы и ладную бороду.

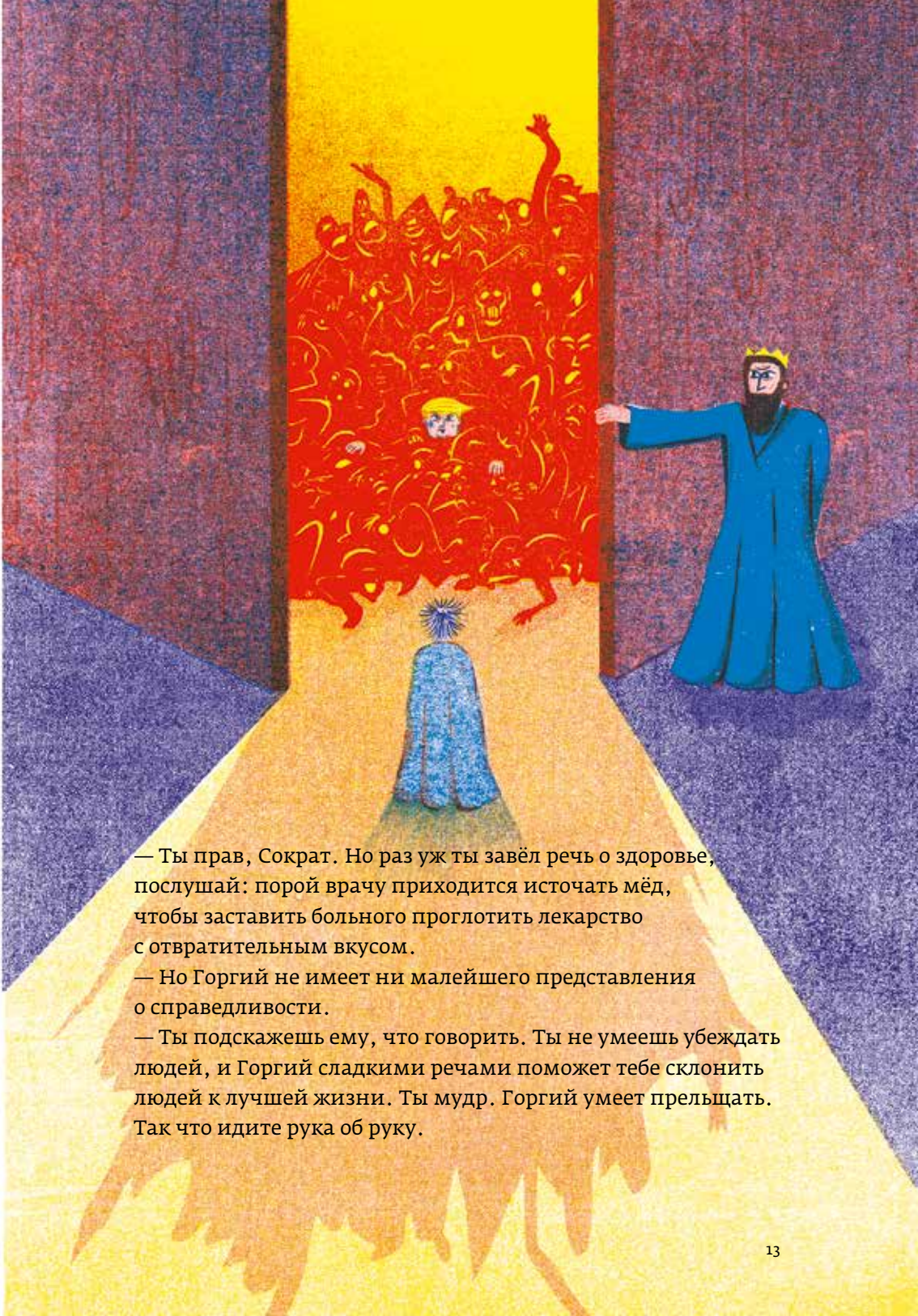
— Клянусь Зевсом, ведь это Горгий! Как я могу сделать из него человека? Это ужасный хвостун. Чтобы обогатиться, он всем заговаривает зубы. Это, это...

— Оратор. Ты прав. Но он владеет искусством убеждать.

— Математик также умеет убеждать. Когда он говорит, что дважды два — четыре, все ему верят.

— Но Горгий способен убедить, что дважды два — пять. Он сумеет внушить людям, что надо жить по справедливости.

— Но он ничего не смыслит ни в математике, ни в справедливости. Если ему и удаётся убеждать, то только потому, что он выдаёт себя за знатока среди невежд. Он точно повар, пробующий новые блюда на посетителях своего заведения, чтобы выяснить, что тем нравится. Думаешь, его заботит их здоровье? Он потчует их жиром и мёдом, а они толстеют и наживают себе болезни. Но всё равно возвращаются, чтобы до отвала набить себе брюхо, а он тем временем набивает себе карманы! Это мошенник.



— Ты прав, Сократ. Но раз уж ты завёл речь о здоровье, послушай: порой врачу приходится источать мёд, чтобы заставить больного проглотить лекарство с отвратительным вкусом.

— Но Горгий не имеет ни малейшего представления о справедливости.

— Ты подсказешь ему, что говорить. Ты не умеешь убеждать людей, и Горгий сладкими речами поможет тебе склонить людей к лучшей жизни. Ты мудр. Горгий умеет прельщать. Так что идите рука об руку.

Доводы Миноса убедили Сократа. Когда Горгий прознал, что покинет пристанище теней и воскреснет, он обмотался цепями и осыпал тысячью комплиментов сначала Миноса, а затем Сократа. Минос перебил его:

— Не утруждайся, Горгий. Мы не на базаре. Ты не торговец, а мы не покупатели. Просто будь послушным. Сократ изложит тебе свои идеи, а ты облечёшь их в красивые речи. И вы вдвоём сделаете мир лучше.

— Боюсь, на это уйдёт куча времени, — вмешался Сократ. — Тебе известен мой метод. Я убеждаю людей по одному, поддерживая с каждым длительный диалог.

— Придётся тебе изменить свой метод. От диалога перейти к речам. Ты, Сократ, пойдёшь на выборы. А Горгий поможет тебе зажечь толпу. Затем, когда ты станешь президентом, ты проведёшь справедливые и честные законы, которые вернут в души граждан порядок.

— Демократия! — восклицает Горгий. — Клянусь богами, это огромное благо. Дай мне собрание и красивую тогу, и я поставлю нужного тебе человека во главе города. Драгоценности, дворцы будут нашими... то есть, чуть не забыл, справедливые законы...

— Ты забыл о них, это точно.

Словно доказывая, что он человек дела, Горгий поднимается. Звенья его цепи бряцают друг о друга, а он тем временем декламирует:

— Дева ночи, мстительница. О справедливость, мстительница-справедливость, ночь дев...

— Пожалуйста, Минос, — вмешивается Сократ, — воскреси нас побыстрее. Если мы будем ждать, пока Горгий закончит, то забудем, зачем сюда пришли.





При этих словах гроыхает страшный гром. Сократ и Горгий оказываются в мире смертных. Сократ ощущает тяжесть своего тела: оно давит, точно груз. Он поднимает глаза к небу и видит, что солнце сильно потускнело по сравнению со светилом Добра и Красоты, видимым с его холма. Горгий потирает руки, оглаживает тело и лицо и вдыхает полной грудью. Затем хлопает себя по животу. Он проголодался, ему хочется пить. Хочется наслаждаться жизнью — есть и пить!

— Давай для начала найдём трактир. От пыли Тартара у меня пересохло во рту. А когда мучает жажда, самое правильное — это промочить горло. Что скажешь?

Но Сократ его не слушает. Он шарит взглядом по сторонам, разглядывая странный город. Огромные здания, точно целые деревни, вздымаются к облакам. По дорогам колятся повозки без лошадей, выплёвывая в воздух ядовитое дыхание. Что до людей, то их прорва. Пожалуй, всех не вместят даже крепостные стены великого персидского царя. Вся эта масса должна трещать без умолку, кричать, спорить на каждом углу. Но народ движется в молчании. Где священники, ораторы, ловцы удачи и юноши, толпящиеся вокруг философов? Повсюду сплошные пешеходы. У одних из ушей торчат затычки и льётся тихая музыка, точно стрекочут насекомые; другие склонили голову к ладони, заворожённые дощечкой, которая показывает картинки, движущиеся сами по себе; третьи бредут, ничего не видя и не слыша, поскольку используют обе штуковины сразу!

Что до извозчиков безлошадных повозок, то они напоминают тяжеловооружённых воинов в панцирях.







- Я не вижу трактира, Сократ.
- Мы пойдём туда чуть позже.
- Но это несправедливо, я хочу пить.
- У нас с тобой есть дело, попьёшь потом.
- Тогда давай быстрее с ним покончим!

Горгий встаёт на перекрёстке, воздевает ладонь к небу и говорит нараспев:

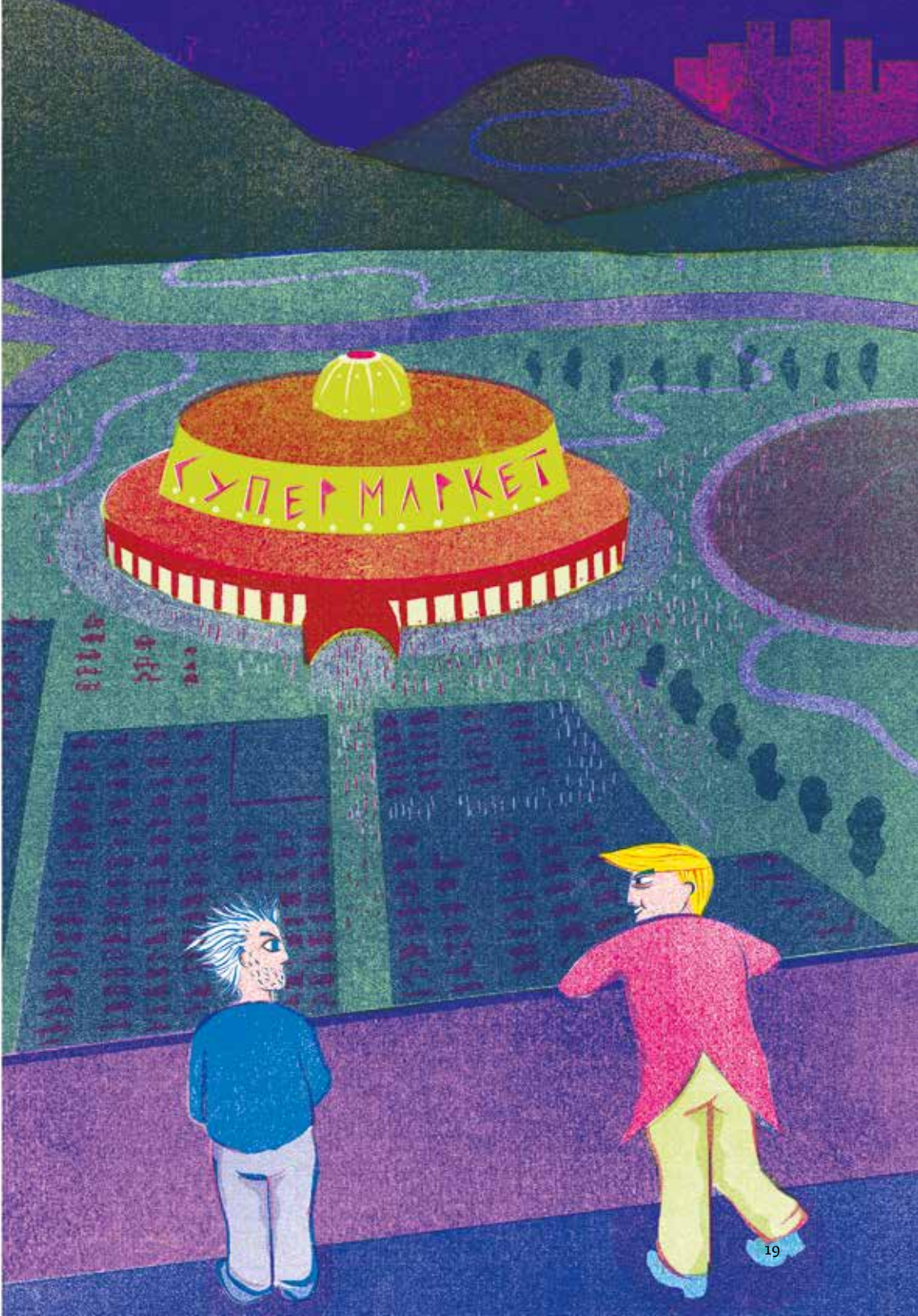
— О славные граждане, граждане славы, мы знаем, что несправедливости висят грузом на вашем сердце, точно тяжёлые сундуки...

Речь Горгия блестяща, прекрасна, полна стилистических оборотов, но толпа едва достаивает его внимания. Некоторые задевают его с равнодушным видом и, кажется, замечают его присутствие, лишь на него натолкнувшись.

- Сократ, по-моему, мы попали к варварам. Эти люди не чувствительнее губок.
- На этот раз я с тобой согласен. Эти граждане — истинные крепости!
- Но если они живут при демократии, то наверняка есть место, где они собираются, чтобы поговорить и решить городские проблемы.
- Ты снова прав, Горгий. Как и у нас, у них должна быть агора — рыночная площадь. Давай осмотрим город.

Пройдя город вдоль и поперёк, странники насчитывают множество больших площадей, парков и торговых заведений, но так и не находят места, где граждане собираются поговорить. Наконец Горгий хватает Сократа за руку, указывая на огромную вывеску из светящихся букв:

## СУПЕРМАРКЕТ





— Сократ, только взгляни на величину этого здания. Какая громада! Верно, политика здесь в чести, судя по размерам их рынка. Дорогой Президент, только после вас!

Двое путников входят в огромные стеклянные двери, и от изумления глаза у них лезут на лоб. На этой агоре не слышно ни слова. Люди, вполне довольные собой, бродят между полками, прогибающимися под едой, напитками, одеждой и посудой. Каждый гражданин складывает то, что ему нравится, в прочную металлическую тележку. Каждый увозит с собой гору припасов, достаточную, чтобы выдержать многомесячную осаду. Горгий потирает руки.





— Этот мир для меня! Какое счастье! Вместо агоры — храм удовольствий. И если толпа ищет удовольствий, надо ей это пообещать. Вскоре этот мирок будет есть у тебя с руки.

— Ты ослеп, Горгий? То, что здесь происходит, это позор. Если люди проводят жизнь в подобных местах, неудивительно, что Миносу достаются лишь развращённые души.

— А в чём проблема? Я вижу людей, которые умеют наслаждаться жизнью! Даже Минос их за это не упрекнёт. Лишить их этого изобилия было бы несправедливо.

— Так, по-твоему, это и есть справедливость? — отвечает Сократ. — Безгранично потакать желудку?

— Никто не скажет, сидя в кресле, держа кубок в руке, с желудком, полным, как сундуки золотом, что его постигла несправедливость. Поскольку он счастлив.

— Это ложь! Человек, которого ты мне описал, крайне несчастен. Его образ жизни не достоин истинно свободного гражданина. Но отчего ты смеёшься?

— Ты говоришь занятные вещи!

— Тогда, Горгий, посмейся ещё.



Набравшись мужества, Сократ карабкается по стеллажам, заставленным бутылками с газировкой, и сверху обращается к толпе:

— Друзья, считаете ли вы, что счастье состоит в удовольствиях?

— Сократ, что ты делаешь? — тревожится Горгий.

— Вы покупаете, вы едите, вы пьёте. А что потом? Всё сначала. Ваша душа подобна ситу, которое вы хотите наполнить шумовкой.

— Но если это доставляет им удовольствие, оставь их в покое!

— Удовольствие? Но чтобы вкусить удовольствие от еды или напитка, надо сначала проголодаться и испытать жажду. Но голод и жажда — не самые приятные ощущения. Значит, каждое удовольствие сопровождается страданием. И если удовольствие возникает тогда, когда отступает страдание, значит, удовольствие угасает с исчезновением страданий. Когда больше нет голода, перестают есть. На самом деле вы наполняете тележки ингредиентами жалкой жизни.

— Остановись, Сократ, они тебя не понимают, на тебя странно смотрят. Обычно люди говорят себе, что удовольствия вносят в существование немного ярких красок. Если есть низменное, должно быть и высокое. И вообще, давай спускайся оттуда!

— Ничего подобного. Спрошу вот что: если счастье есть смесь страданий и удовольствий, тогда ещё приятнее почесаться, когда зудит кожа...

— Сократ, твой юмор неуместен, остановись.

— А если по-настоящему счастлив тот, кто чешется, тогда следует заболеть чесоткой или подхватить блох и не забыть при этом равномерно распределить заразу по телу. Вы будете на седьмом небе от счастья!

— Мой друг шутит, не обращайтесь внимания!





Слегка подустав от оскорблений, толпа зароптала и стала стягиваться вокруг Сократа, а тот тем временем спешит завершить своё рассуждение.

— На самом деле вы напоминаете мне птицу. Но не любую. Вы точно ржанка, которая ест и одновременно испражняется.



Видя, что вокруг сгущаются тучи, Горгий вскакивает на стеллаж с конфетами и кричит:

— Дорогие покупатели, сегодня у нас распродажа телефонов, невероятно низкие цены!

Наблюдательный Горгий подметил, что именно так называются плоские дощечки, по которым так обмирают граждане этого века. Толпа покорно направляется в отдел телефонов.

В свете неоновых ламп Горгий волочёт Сократа к выходу.

— Но что с тобой, Горгий? Я только нащупал цель.

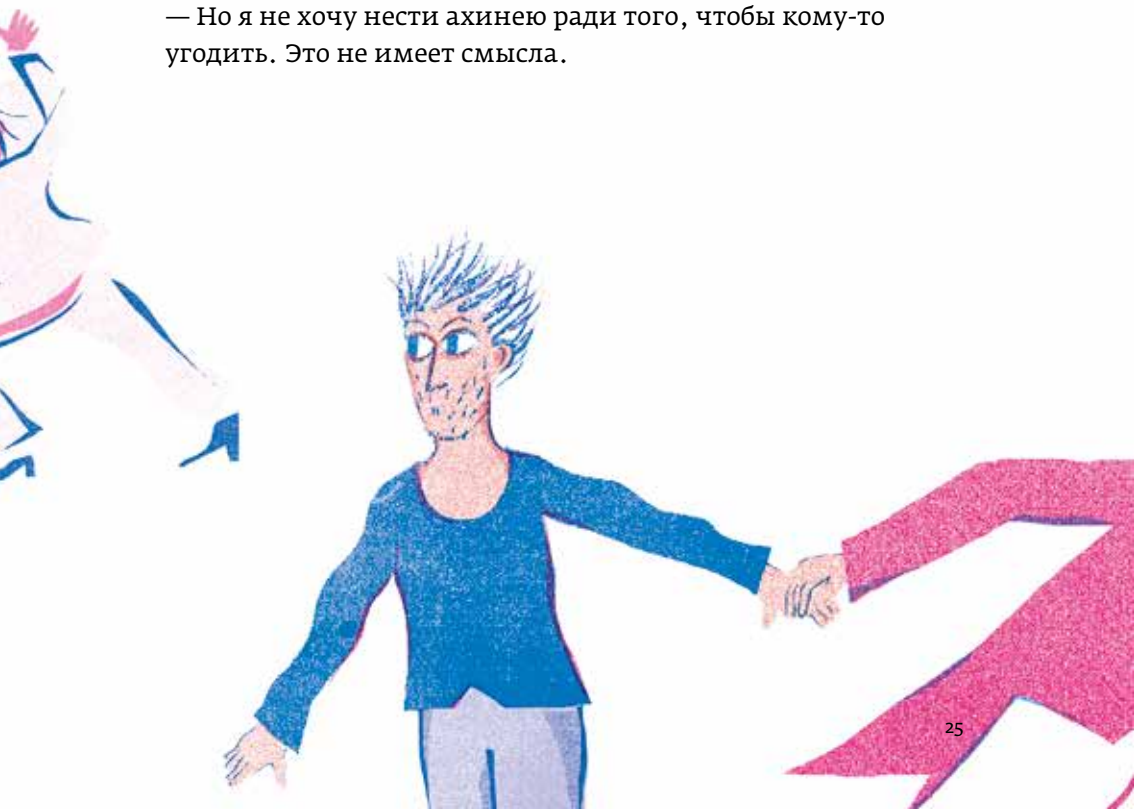
— Если твоя цель — умереть, то да, я с тобой согласен.

Теперь я понимаю, почему Минос попросил тебя сопровождать. Ты ходячее несчастье. Тебе знакомо такое понятие, как деликатность? Надо быть ласковым, гибким.

— А разве не важна прямота?

— Если ты хочешь понравиться, то нет.

— Но я не хочу нести ахинею ради того, чтобы кому-то угодить. Это не имеет смысла.





Горгий хватается за голову. Никогда ещё у него не было такого ужасного ученика.

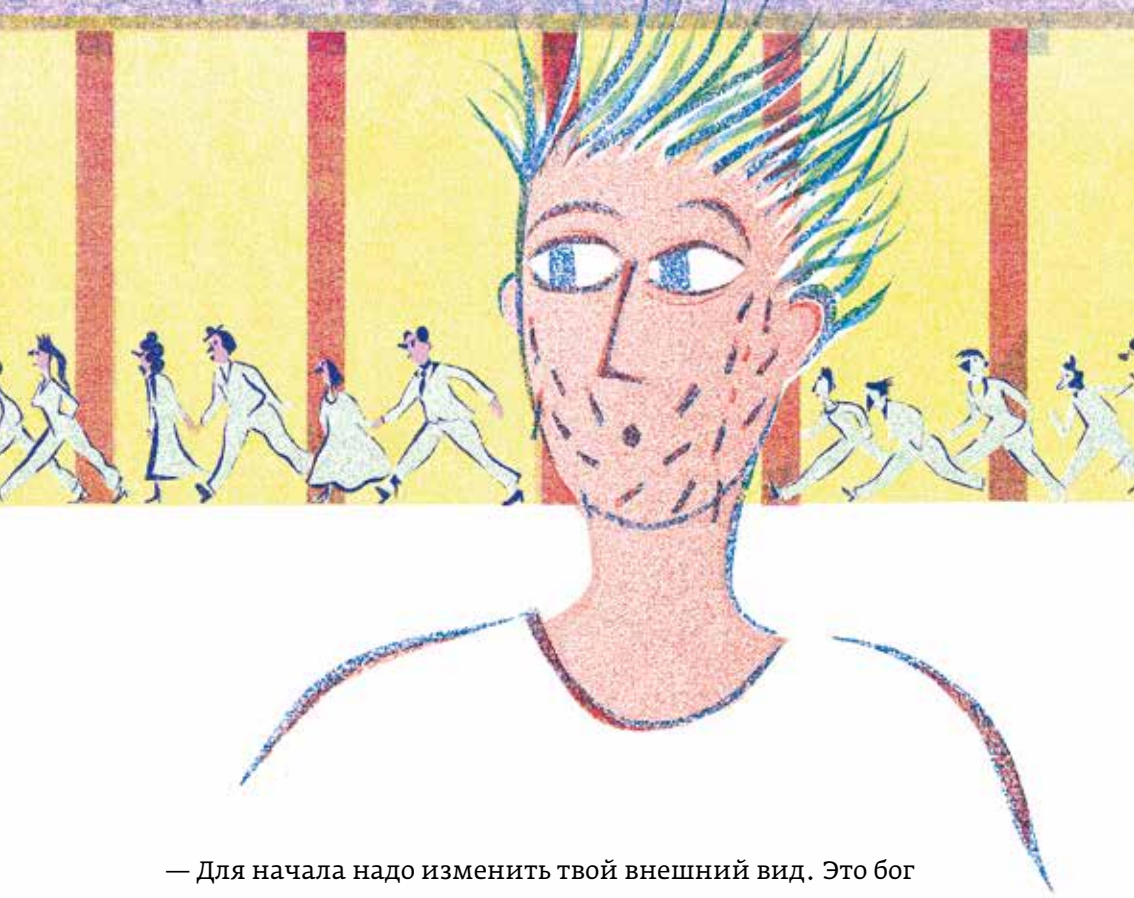
— Сократ, наша задача — протолкнуть тебя в президенты. Затем ты проведёшь те законы, которые находишь правильными. Но для того, чтобы преуспеть, необходимо кое-что изменить. Чуть меньше философии и чуть больше красноречия. Если ты хочешь быть хорошим оратором, то не гонись за правдой, а умей подсахарить речь — если не ради себя и меня, то хотя бы ради Миноса.

— Ты прав.

— Теперь послушай меня.

— Я весь внимание, Горгий.





— Для начала надо изменить твой внешний вид. Это бог знает что.

— Как это? Моя внешность к делу не относится. Президента выбирают не по одежке, а за его убеждения!

— Опять споришь! Сократ, у меня порой такое чувство, что ты живёшь в собственном мире. Доверяют тем, кто обладает приятной наружностью! А что ты для этого сделал?

— Достаточно произносить прекрасные слова и совершать благовидные поступки...

— Знаешь, ты безнадёжен. Ты видел свою голову? Если ты предстанешь перед народом в таком виде, они подумают, что ты дурной человек.

— Но почему?

— А потому, что ты уродлив. Извини за откровенность. А в уродстве нет ничего притягательного.



— Горгий, ты сам упоминал о деликатности. Но я с тобой согласен. Я небрит, у меня отвисший живот, короткие ноги, неприятный голос, а глаза как у снулой рыбы. И как ты намерен сделать из меня красавца?

— Для начала ты пострижешься и побреешься, затем мы подберём тебе красивый костюм, который бы скрывал живот. Чтобы увеличить рост, ты наденешь обувь на каблуках. Что до голоса, то я обучу тебя несколькими хитрыми приёмами, и ты у меня запоёшь, как соловей. Но вот твой нос... ты про него ничего не сказал, хотя, по правде говоря... Может, тебя спасут очки и макияж?

— Я против! На кого я буду похож? И потом, гражданам не нужна красивая наружность, им нужна красивая истина. Даже урод может говорить правильные вещи. Гражданам необходима железная логика, чтобы умозаключения искрились, как бриллианты, а не украшения с каблуками.

— Ты всё усложняешь! Впрочем, давай, действуй! Оставь всё как есть и вперёд! Но прежде скажи, что собой представляет твоя пресловутая речь, искрящаяся, как бриллиант? Мне любопытно послушать.

— Всё проще простого. Я скажу четыре вещи...

— Это уже слишком много.

— Для начала я скажу, что надо не казаться хорошим, а быть таковым.

— Звучит многообещающе, но я уже не понимаю.

— Горгий, если бы тебе нужно было выбирать свой путь в жизни, на чём бы ты остановился?

— Я выбрал бы такую жизнь, чтобы можно было делать что хочу.

— А чего ты хочешь?

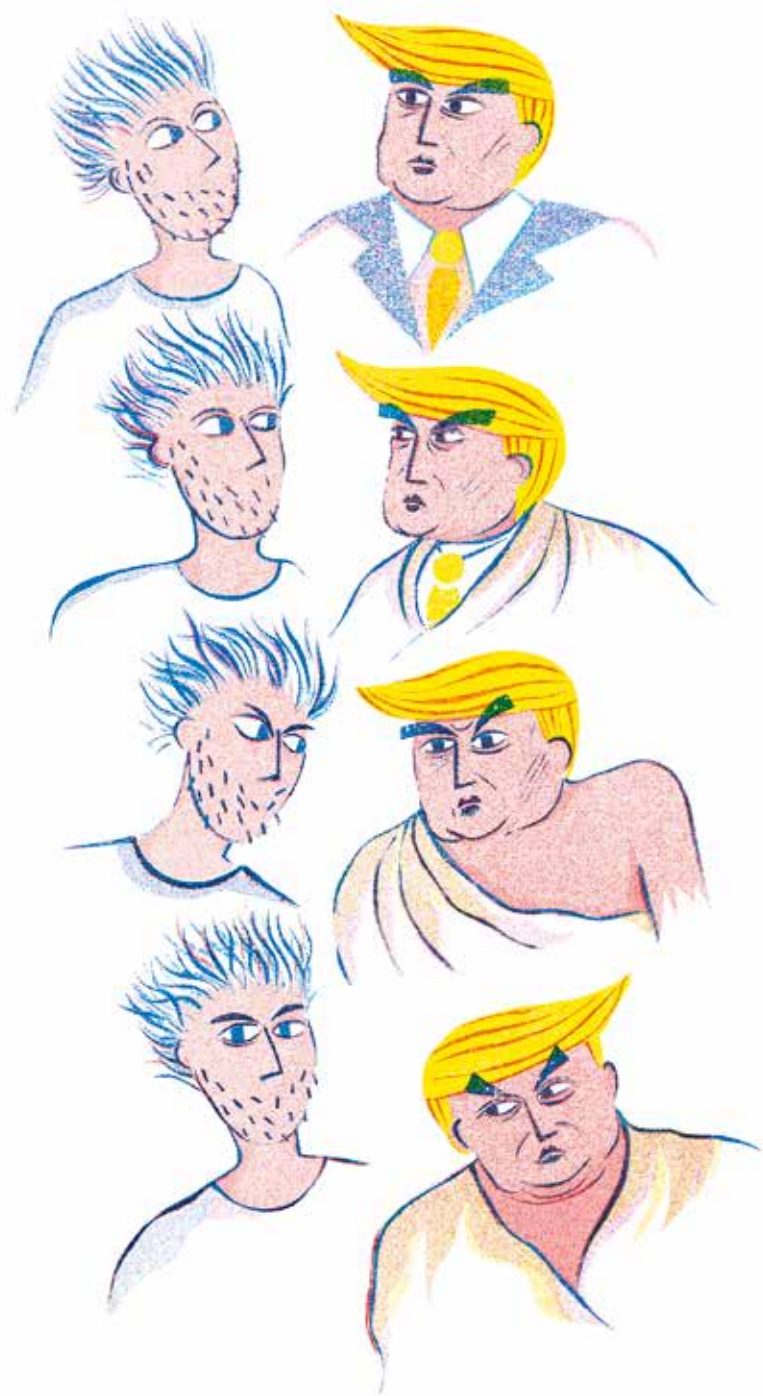
— Того же, что и все. Каждый ищет свою выгоду.

— Значит, тот, кто оказывается в неблагоприятных обстоятельствах, не делает то, что хочет?

— Это самоочевидно.



- А чтобы хорошо устроиться, приходится совершать несправедливости: красть или лгать. Неужели это то, что тебе хочется делать?
- Я не понимаю.
- Одним словом, предпочёл бы ты совершить несправедливость ради достижения цели или ничего такого не делать?
- Я предпочёл бы жить честно, чтобы не отравлять себе радость.
- Значит, ты всё-таки не хочешь творить несправедливостей?
- В идеале да: я хотел бы, чтобы все мои капризы исполнялись и я бы не страдал ни по какому поводу.
- Так что ты в итоге выберешь? Тёплое местечко или справедливость?
- Ты не должен просить меня выбирать: я хочу и того, и другого.
- Но скажи мне, кто справедливее: тот, кто совершает несправедливости, стремясь к своей выгоде, или тот, кто терпит несправедливость?
- Тот, кто терпит несправедливость, справедливее того, кто её совершает.
- Значит, лучше терпеть несправедливость, нежели её творить, не так ли?
- Вроде так.
- Ты бы хотел, чтобы твоя жизнь была как можно лучше?
- Разумеется.
- Значит, тебе хочется скорее терпеть несправедливость, чем её творить.
- Ух, разве обычно не говорят наоборот? По-твоему, выходит, что лучше сидеть в тюрьме, терпеть, пока тебе поджаривают ноги, или быть распятым врагами, чем сажать в тюрьму, жечь и распинать.
- Это не я сказал, а ты.







— Но, Сократ, если ты хочешь быть избранным, не стоит говорить: *голосуйте за меня, так как лучше терпеть несправедливость, чем её творить*. Это смешно.

— Но если все согласятся с этим принципом, люди перестанут ставить на первое место собственные интересы и выжимать из города все соки, как пресс из фрукта. Вообрази, что законы станут справедливыми, а не крючкотворством, защищающим богатство той или иной семьи; вообрази, что законы будут гарантировать умеренную и скромную жизнь, чувство общности, — все уgomонятся, и кругом наступит порядок.

— Скукота! Каждый на своём месте. Неподвижность. Счастье, как у камней или трупов.

— Но подумай, Горгий! Какая жизнь счастливее? Допустим, у тебя есть две бочки превосходного вина, но одна прочная, а вторая — худая. Какая из двух сделает тебя счастливее? Та, с которой придётся повозиться, но, однажды её наполнив, можно отдыхать, или та, которую надо наполнять день и ночь, чтобы она не опустела?

— Если честно, мне больше нравится текущая бочка. С ней веселее.

— Представь себе, что врач скажет: «Чтобы следить за твоим здоровьем, я буду намеренно заражать тебя болезнями и смотреть, как идёт процесс выздоровления». Или столяр скажет: «Каждое утро ты должен собирать мебель, а вечером её разбирать». Не лучше ли иметь крепкое здоровье, прочную мебель и повсюду порядок?

— Безусловно.

— Тогда сочини речь, которая заставит граждан полюбить порядок и справедливость больше, чем комфорт и нынешнюю жизнь. Понял?





Горгий устраивается в небольшом гостиничном номере. Он так и сяк выворачивает доводы Сократа. *Лучше терпеть несправедливость, чем её творить.* Люди умрут со смеху или скажут, что это правило осмысленно только в мечтах Сократа. Но надо сочинить хорошую речь, пусть Минос будет доволен.

Но какая жалость! Горгий чувствует, что этот мир легко поймать на крючок. Здесь каждый ищет лишь способ насытиться удовольствиями. Проще всего наобещать с три короба! Тем более что есть пресловутые мобильные телефоны. Горгий говорит себе, что это изобретение — настоящее чудо. Ему бы позавидовал сам Гермес, посланник богов. Горгий уже воображает, как его речь разошлась, разлетелась — и не по одной улочке, а по всем улицам, не по одному городу, а по всем городам, и её читает не один человек, а все люди. Не пройдёт и недели, как имя Горгия замелькает на экранах, будет у всех на устах. В тесной комнате с тёмными стенами Горгию уже слышатся скандирование и возгласы: «Горгий — президент! Горгий — президент!» Да, это было бы сильно. А затем карьера, богатство, роскошь. Его бросает в жар. Но в конце концов побеждает сильнейший! Это и есть справедливость!



На следующий день Сократ спрашивает у Горгия, готова ли речь.

— Сократ, ты ведь знаешь, как трудно создать нечто по-настоящему прекрасное. И потом, твой лозунг «Лучше терпеть несправедливость, чем её творить» не слишком продаваемый.

— Но это не лозунг, а истина!

— В том-то и загвоздка. Истины не способствуют продаже.

— Ну, божественный Горгий, ты ведь лучший. Минос не зря тебя выбрал. Ты всю свою жизнь внушал людям ложь, неужели ты не сумеешь заставить их выслушать правду?







Но и в следующие дни Горгий не продвигается ни на йоту. Он то и дело откладывает произнесение речи. Однако кое-что меняется, кое-что неприметное. На улице Сократ ловит на себе взгляды прохожих, но вдруг понимает, что смотрят не на него, а на Горгия. Ему беспричинно улыбаются, приветствуют его скромным взглядом, чуть ли не кладут руку на плечо.

— Что происходит, Горгий? У меня такое чувство, будто я иду рядом с Периклом.

— А в чём дело?

— Ты опять принялся за своё?

— Что ты имеешь в виду?

— Ты прекрасно знаешь.

Горгий — рука на сердце — клянётся, что теперь он за справедливость, но тут двое прохожих показывают на него пальцами и вытаскивают мобильные телефоны, словно собираясь сравнить фотографию и оригинал.







Когда к ним подходят двое поклонников и просят автограф, Горгий смущённо водит карандашом по бумаге. Сократ выдерживает паузу, затем насмешливо говорит:

— У тебя красивая подпись. Долго тренировался?

— Это не то, что ты думаешь.

— Я ничего не думаю.

— Просто я заснял одну из своих речей и выложил её в интернет. Разве я виноват, что понравился?

— Если ради того, чтобы понравиться, ты говорил людям вещи, которые они хотят услышать, потакая самым низменным страстям, тогда да, ты действительно виноват.

— Я никому не потакаю, а пользуюсь обстоятельствами. Это разные вещи. Я не хочу говорить того, что люди не хотят слышать.

— Но если они хотят слышать опасную ложь, из которой произрастает несправедливость, что ты будешь делать?

— Что я буду делать, что я буду делать? Нельзя перечить людям, это демократия! Люди вольны думать так, как они думают. Надо быть в общей струе и дать им то, что им хочется. Я не из тех, кто любит поучать. Хочешь послушать мою речь? Она заставит тебя принять мою точку зрения.



— Даже не смел об этом просить.

Горгий гордо вынимает из кармана телефон, блестящий, словно сандалии Гермеса. Напыщенный и тщательно выбритый оратор на видео произносит:

*Граждане, оторвитесь от своих экранов. Считаете ли вы, что наш мир справедлив? Нам не дают жить в согласии с нашей истинной природой.*

— Хороший зачин, — замечает Сократ.

— Спасибо. Смотри дальше.

*Чего же мы хотим? Жить на полную катушку и изведать все удовольствия. Но нам навязывают жизнь, которая не соответствует нашим устремлениям. Наши желания душают законы. И что же они твердят? Что мы обязаны пекся об общественном благе, жить в добре и покое. Разве это справедливо?*

— Разумеется, это справедливо.

*Но для смелых, дерзких, предприимчивых и талантливых эти законы противоестественны! Они ущемляют наши свободы. И кто их установил? Самые слабые. Если бы природа хотела создать нас равными, она бы наделила нас одинаковой силой. Но это не так. Согласно её задумке, одни прислуживают, а другие пользуются их услугами. И я говорю: законы созданы слабыми, они обуздывают наши силы и держат нас на коротком поводке.*

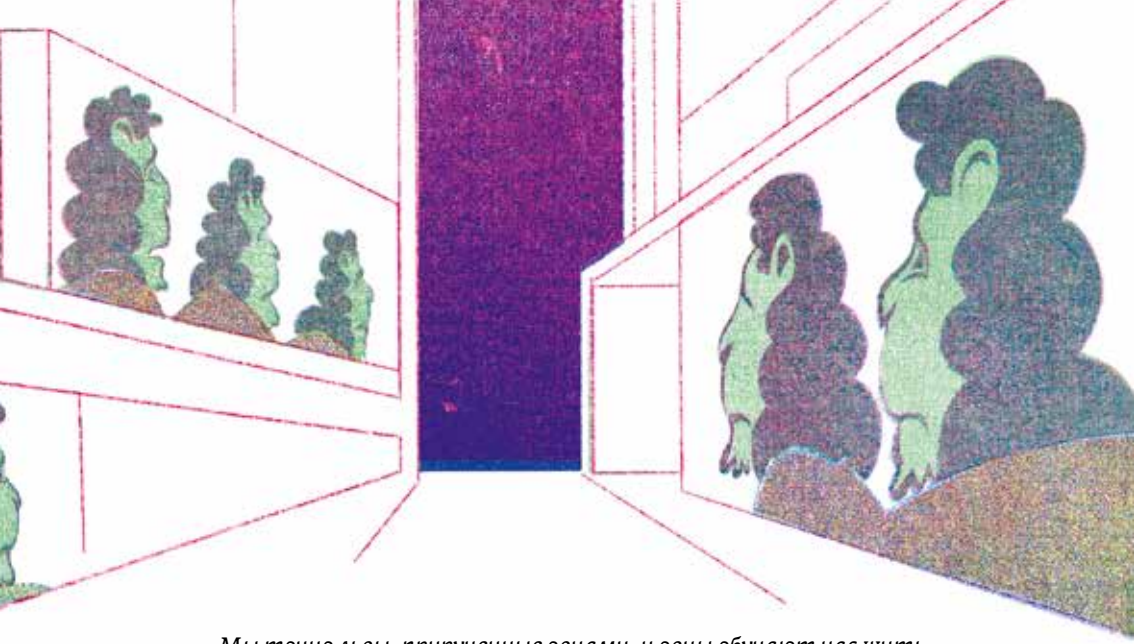
— Но если бы слабые были и впрямь так слабы, как ты говоришь, они не сумели бы навязать сильным свои законы. Это логично.

— Сократ, это речь, а не урок философии; лучше слушай, а замечания оставь на потом...





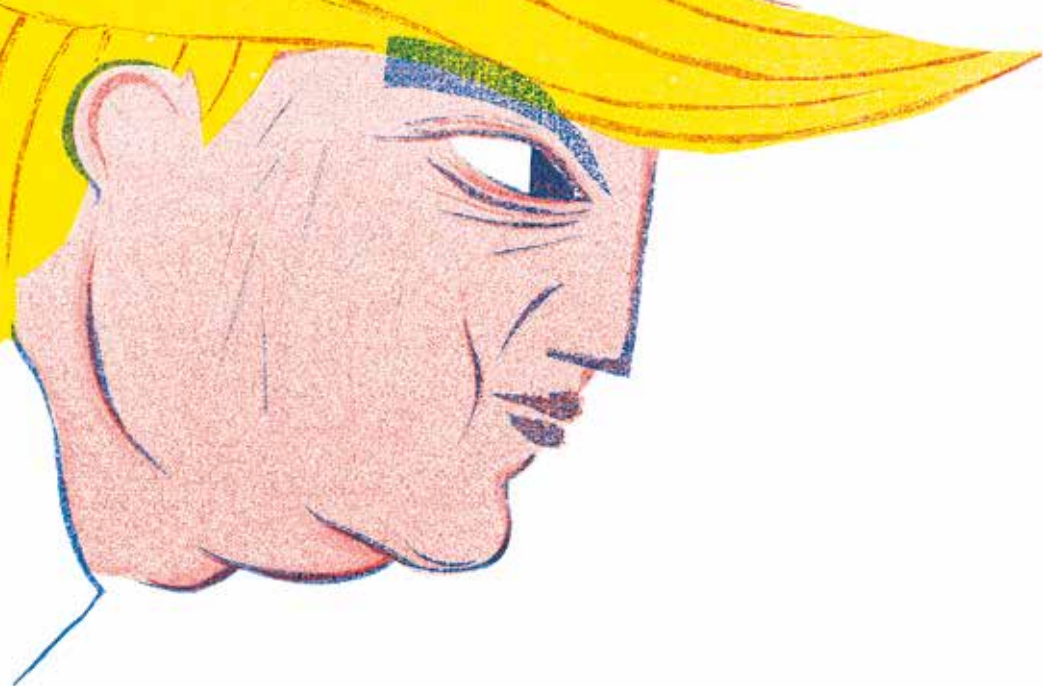




*Мы точно львы, прирученные овцами, и овцы обучают нас жить по своим законам, ослабляя нашу силу. А теперь взгляните на себя. Вы львы с волнистыми гривами. Так рычите! Ревите! Верните себе то, что заслуживаете. То, что закон называет несправедливостью, на самом деле справедливость! А то, что слабые зовут справедливостью, это несправедливость!*

- Ты превзошёл самого себя, Горгий, браво. Но скажи-ка: если бы во главе угла стояла сила, то у боксёров было бы всего вдоволь?
- Я имею в виду не физическую силу, а ум и искусность.
- Хорошо, согласен. Пусть самые умные и искусные получают больше.
- Так-то.
- Сапожники — самые искусные в шитье обуви. Получается, вся обувь достанется им.
- Сократ, вечно ты всё портишь.
- Может, ткач, умеющий изготавливать ткани, имеет больше прав на одежду, чем остальные, и станет прогуливаться по улице в двух парах штанов и трёх сюртуках?
- Замолчи и послушай конец. Это будет ответ на твой вопрос.





*Самых умных я обещаю сделать политиками.*

— Значит, врач, отличающийся учёностью, займёт важный пост. Но в какой области? В медицине? А плотник будет советником в плотницком деле и так далее.

— Да нет, Сократ, я хочу сказать, что самые смелые получают то, что они заслуживают.

— Тогда я ничего не понимаю. Заслуживают чем? Силой? Умом? Смелостью? Ты всё время меняешь точку зрения.

— Я имею в виду, что те, у кого есть кураж, смогут командовать другими людьми. Вот и всё. А рохлям придётся подчиняться. Вот в чём мой закон, моя справедливость.

— Ну и программа! И ты думаешь, за тебя проголосуют?

— Можно сказать, выигрыш у меня в кармане, поскольку все считают себя смелее и умнее соседа.

— Ты первый.

— Это другое дело. Я и впрямь умнее, ведь у меня очень важная работа.





— Кто бы сомневался. Ты меня абсолютно убедил. И я не забуду за тебя проголосовать на ближайших выборах, поскольку очень хочу, чтобы меня наконец вознаградили по заслугам. Тем более что если я примкну к овцам, то, безусловно, закончу на бойне.

— Я несказанно рад, что ты так это воспринял. Мне не хотелось бы тебя предавать, но, видишь ли, твоё видение справедливости — это химера. С помощью философии ничего не добьёшься, это пустое.

— И какой же твой лозунг, Горгий?

— Пока ещё не выбрал самое хлёсткое выражение. Но когда я его придумаю, будь уверен, ты его услышишь.

Друзья расцеловались, поскольку их дороги тут расходятся. Но Сократ напоследок спрашивает:

— А как же задание Миноса? Что будем делать?

— Не волнуйся, Сократ, когда я стану президентом, ты будешь моим советником, и мы попытаемся сделать наших сограждан лучше.





Сократ не участвует в президентской кампании Горгия — он предпочитает слоняться по улицам и вести философские беседы с прохожими, как делал это всегда.

Весь город увешен портретами Горгия. Его голос звучит из радиоприёмников, его силуэт мельтешит на экранах, его лицо смотрит с футболок, чашек и значков.

Как и у всех душ, обитающих в подземном царстве Аида, у него обвисшие плечи и посиневшее после смерти лицо. Люди восхищаются речами Горгия, звучащими из мобильных телефонов. Однажды утром в городе появляются растяжки.

Лозунг найден: *Освободим наши желания!*

Начинается Горгиемания.

Вместо того чтобы радоваться успеху, Сократ невольно качает головой, говоря себе, что всё это плохо кончится, так как всегда опасно прикармливать стоголовое чудовище...



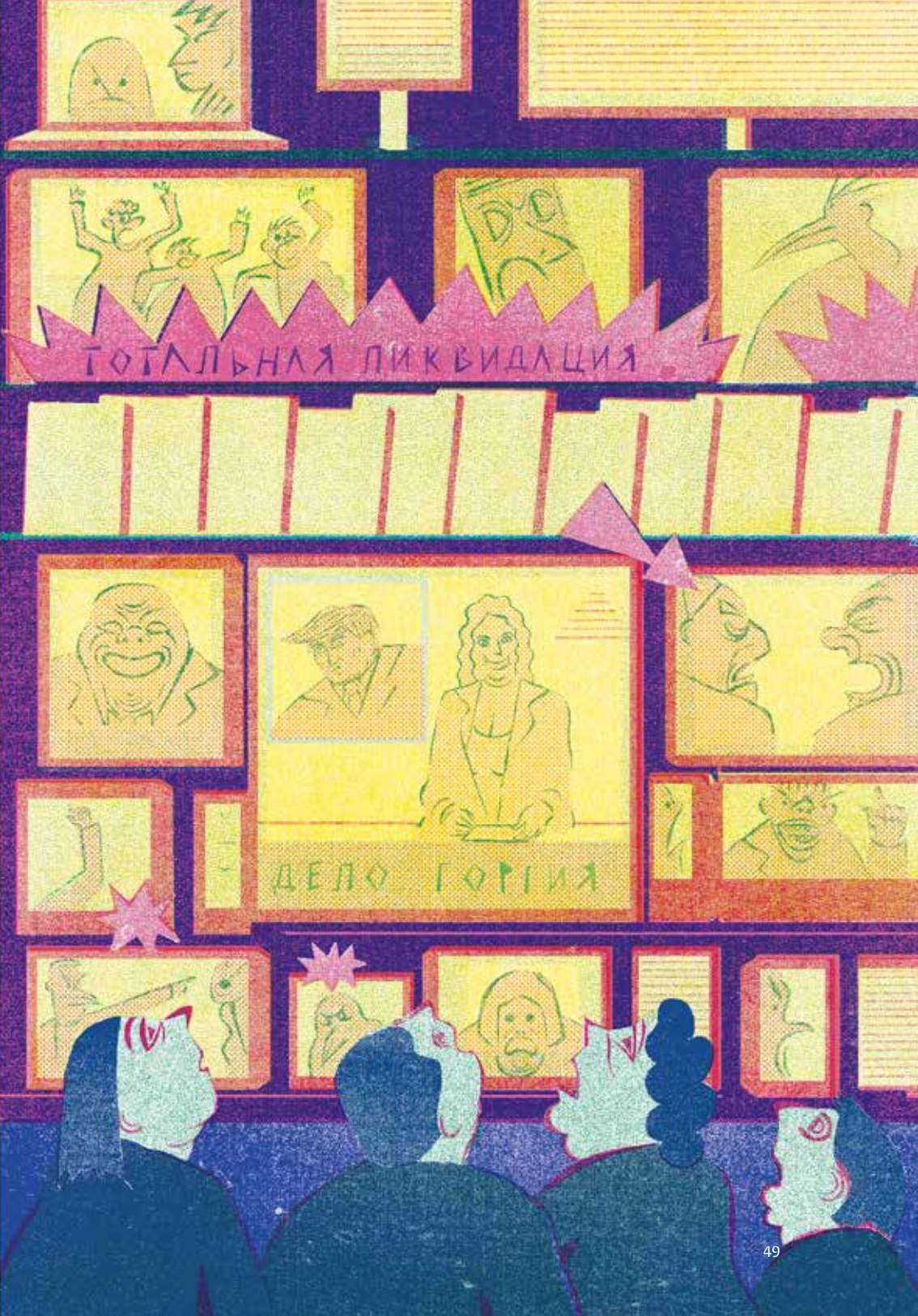
# ГОРГИЙ — ПРЕЗИДЕНТ!

Вот официальная хроника событий.

Горгий начинает править. Он обхаживает город слева, затем справа, обещает сначала одно, затем ровно противоположное — в зависимости от настроения. И все в один голос говорят: в этом что-то есть. Но когда корабль раскачивается, все мосты заливают водой. Горгий сыплет обещаниями и не выполняет ни одного. Для отвлечения внимания он постоянно сулит что-то новое, как повар, который, желая скрыть вкус протухшего мяса, вынужден без устали добавлять приправы в соус.

Стараясь всем понравиться, он становится всем неугоден, и доверие к нему быстро падает. Начинают говорить, что он невежда и гнусный льстец, заморочивший людям головы красивыми словами.

Хотелось бы думать, что второй раз народ не попадётся на ту же удочку. Но происходит наоборот. Так как Горгий оказался никудышным правителем, он ещё больше развратил души своих сограждан. И многие смекнули, что прекрасными речами можно получить власть и удерживать её достаточно долго, чтобы разбогатеть. Вскоре расплодилось тьма ораторов. Одни растяжки заслонили другие, речи из радиоприёмников смешались в какофонию, накрашенные лица заполонили телеэкраны и экраны мобильных телефонов. Тысячи шершней спорили за одно выступление. И каждый из них мечтал об одном: скинуть президента Горгия и сесть на его место.









Однажды вечером раздался стук в дверь. Сократ открыл. В надвинутом на глаза капюшоне, в окружении телохранителей, Горгий вламывается в комнату, не дожидаясь приглашения, и тут же берёт быка за рога.

— Сократ, выручай. Народ стал неуправляемым, он слушает лишь толпу ораторов.

— Но ведь это твои дети, ты можешь гордиться.

— Мои дети? Я здесь совершенно ни при чём. В глубине души я всегда хотел лишь справедливости.

— У хорошего кучера лошади смирные или дикие?

— Оставь свои вопросы. Лучше скажи, как мне вылезти из этого болота.

— Тогда буду говорить яснее. Представь, что тебе доверили здоровье человека. И в качестве заботы ты приводишь к нему булочника, торговца вином и повара. Он толстеет. Нарастивает мускулатуру. Поначалу, пока человек всем доволен, дело идёт гладко. Но силком ты доводишь его до ожирения. Наступает момент, когда он винит тебя. Он догадывается, что ты ничего не смыслишь в медицине. Разве он не вправе говорить, что умеет лечить не хуже тебя?

— Вправе.

— Народ так испортился потому, что брал с тебя пример. Ты создал образ честолобца, готового на всё ради власти, так что теперь не удивляйся, что твоего полку прибыло.

— Помоги мне восстановить имидж. Я опасаюсь за свою жизнь. Я дам тебе трибуну, газеты, телевидение, интернет, всё.

— Думай не об имидже; пусть он летит в тартарары. Не притворяйся справедливым — стань им. И ты покажешь народу образец справедливости, которому он захочет подражать.

Сократ слышит тихий гул. Город волнуется. У Горгия исчезают все сомнения: это его последняя ночь. Он смотрит на экран мобильного телефона. Его лицо искажается, когда он слышит новости. Все бывшие друзья обвиняют его, положив руку на сердце. И все его обещания кружатся в водовороте, смешиваясь с изображениями толпы, звуками, криками, проклятиями. Горгий понимает, что его речи породили массу желаний, а его ложь — массу разочарований. Циклопа не зовут на пиршество, чтобы потчевать его луковой шелухой и сором. Он опрокинет стол и взамен умнёт хозяина за обе щёки.

— Остаётся одно решение. Последняя речь. Речь, в которой ты покажешь, что хочешь сделать людей лучше, а не обогатиться за их счёт. Для начала ты объявишь, что отныне все политики работают бесплатно.

— Шутишь?

— Нет, я совершенно серьёзен.

— Но кто захочет бесплатно заниматься политикой?

— Я тебе только что говорил: люди, любящие справедливость.

— Допустим. А что потом?

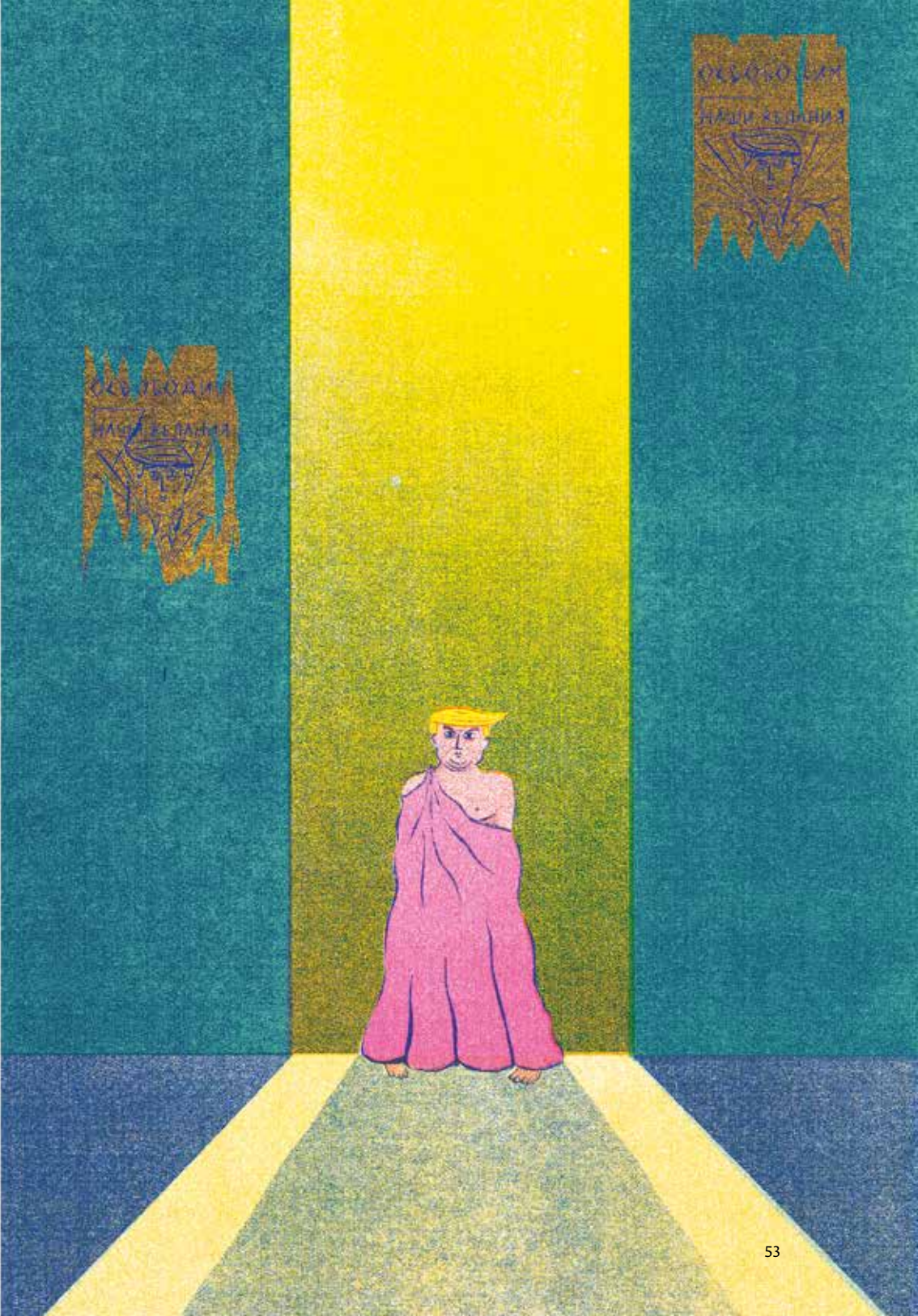
— Увидишь.

— Мы идём?

— Да, смешаемся с толпой.

Горгий, которому ничего другого не остаётся, делает знак своим телохранителям следовать за собой.

— Нет, Горгий, без оружия и без охраны. Нагой, как перед Миносом. Покажи свою искренность.





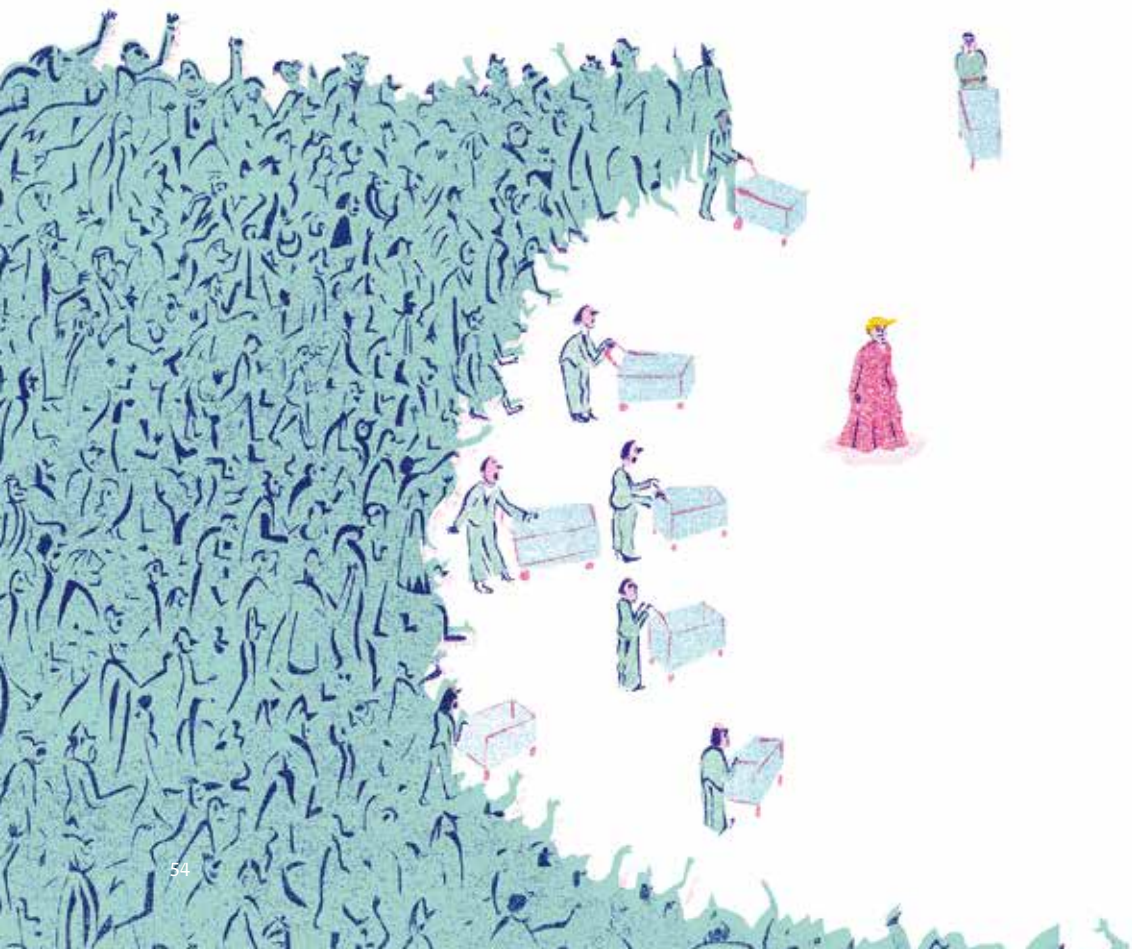
Супермаркет закрывается, но по парковке ещё разъезжают тележки. Сократ и Горгий приходят инкогнито и встают под вывеску. Световые буквы окрашивают вечер в разные цвета.

— Что я должен делать, Сократ?

— Сейчас ты заберёшься в тележку, а я тебя повезу, как генерала на танке. Покажешь, что ты стал справедливым человеком. Пуссти в ход всё своё искусство, искусство риторики, но не лъсти и не обвиняй других, а как следует повинись. Признайся во всём начистоту.

— Но ведь меня арестуют.

— Всё может быть. Покажи, что готов понести наказание. Заслуженная кара делает человека справедливей. Так ты докажешь, что хочешь очистить душу.



— Думаю, мои недруги воспользуются такой удачей и уничтожат меня.

— Тем лучше. Ты покажешь миру, что готов скорее терпеть несправедливость, чем её совершать, настолько она внушает тебе ужас.

— Ты, верно, повредился в уме, мой добрый Сократ. Принимаешь меня за идиота?

— Пытаюсь спасти твою душу.

— А кто спасёт моё тело?

— Но ведь это было бы здорово. Представь, что тебя заставят вынести тысячу мук. Тогда люди скажут: *Горгий предпочёл страдание несправедливости*. Для твоей репутации и душевного здоровья это потрясающая возможность. Даже Минос разразится аплодисментами.



Сократ толкает тележку с криком:  
— Горгий сейчас произнесёт речь!  
Горгий принимает важный вид, но от его фигуры веет тоской. Толпа покупателей достаёт мобильные телефоны, собираясь заснять уникальную сцену. Вскоре во множестве появляются камеры, журналисты, зеваки, поскольку в этом мире новости распространяются очень быстро.  
У Горгия рот словно ватой набит. Он цедит слова сквозь зубы:  
— Я понимаю ваше разочарование, так как моя президентская программа пока остаётся на бумаге, но ответственный за неё перед вами, это...

У Сократа глаза лезут на лоб, когда он слышит своё имя.

Горгий удваивает красноречие. В блестящей речи он объясняет, как Сократ и другие философы ставили ему палки в колёса и как, принуждённый ими к строгости и закону, он отсрочил осуществление своих обещаний. Он обещает всё исправить. Надо *ос-во-бож-дать* желания! Нужно ли уточнять, что за этим последовало...













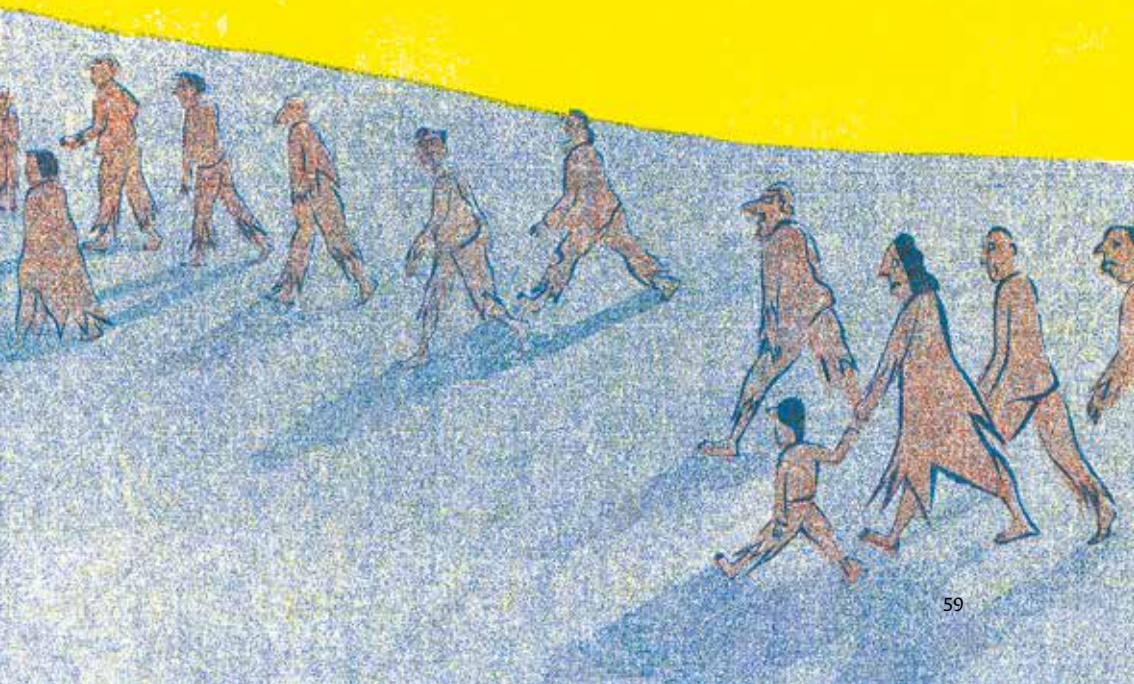
— Уже, Сократ?

— Разве я тебя не предупреждал, Минос? Ещё в афинские времена говорили, что я плохой политик. И опять меня приговорили к смерти.

— И ты не защищал себя на процессе?

— Конечно же, защищал. Но я был точно врач перед трибуналом детей, созданным по жалобе торговца конфетами. Разумеется, я провалился. В очередной раз. Теперь твоя очередь судить. Умелый каменщик может обучить искусству строительства домов. Если бы я был столь же сведущ в справедливости, как это говорят, мне бы удалось сделать людей справедливыми, однако этого не случилось. Значит, я абсолютный профан.

— Твоя душа — лучший, чем ты, адвокат. Как я вижу, на ней нет ни единого пятнышка. Ты не сделал людей справедливыми, но, по меньшей мере, ты не увеличил несправедливость в этом мире. Иди, твой холм свободен, он тебя дожидается.







Вдвоём они полетели на Остров блаженных. Прежде чем расстаться с Сократом, Минос спрашивает:

— Скажи, как там Горгий?

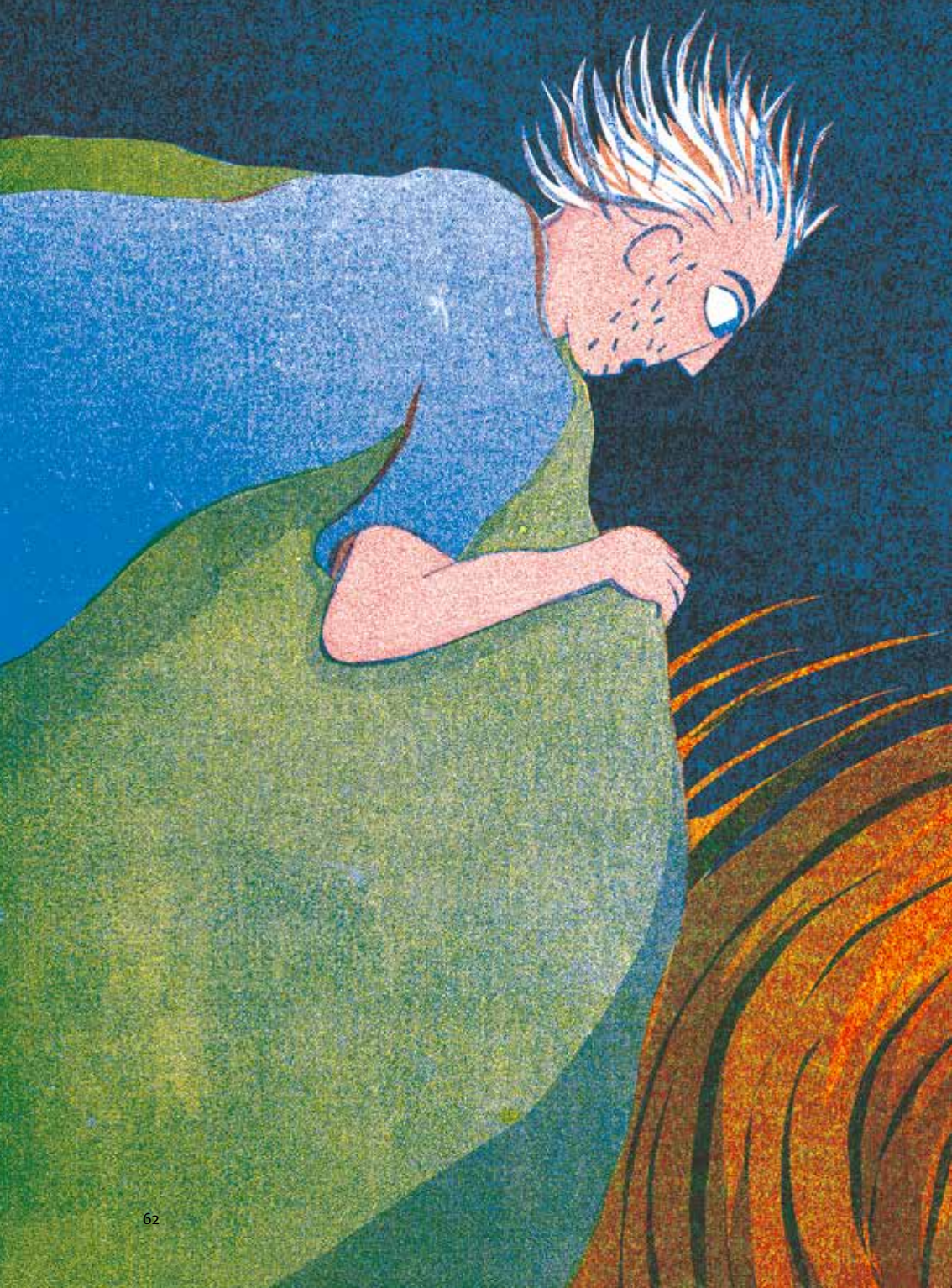
— Как всегда. Он стал честолюбцем и льстецом. Народ его обожает и ненавидит, поскольку он везде сеет страсти и беспорядок. Своими обещаниями он так раздражил аппетиты, что люди воют от вожделения. Они опять мечтают о власти, дворцах, драгоценностях, путешествиях. Повсюду строятся заговоры, и Горгий боится всех и всего. Он спасается за крепкими стенами, содержит наёмников и прибегает к расправе, стремясь уберечь свои богатства.

— Он превратился в тирана, а его народ впал в безумство.

— Таков плачевный финал демократов и демократий.









Под солнцем Добра время течёт медленно, но однажды до Сократа доносится шум стройки. Он свешивается с края острова, пытаясь разглядеть, что творится внизу, и видит под собой Тартар. Там хлопочут рабочие богов, их великое множество, а руководит ими Дедал — искуснейший из архитекторов.

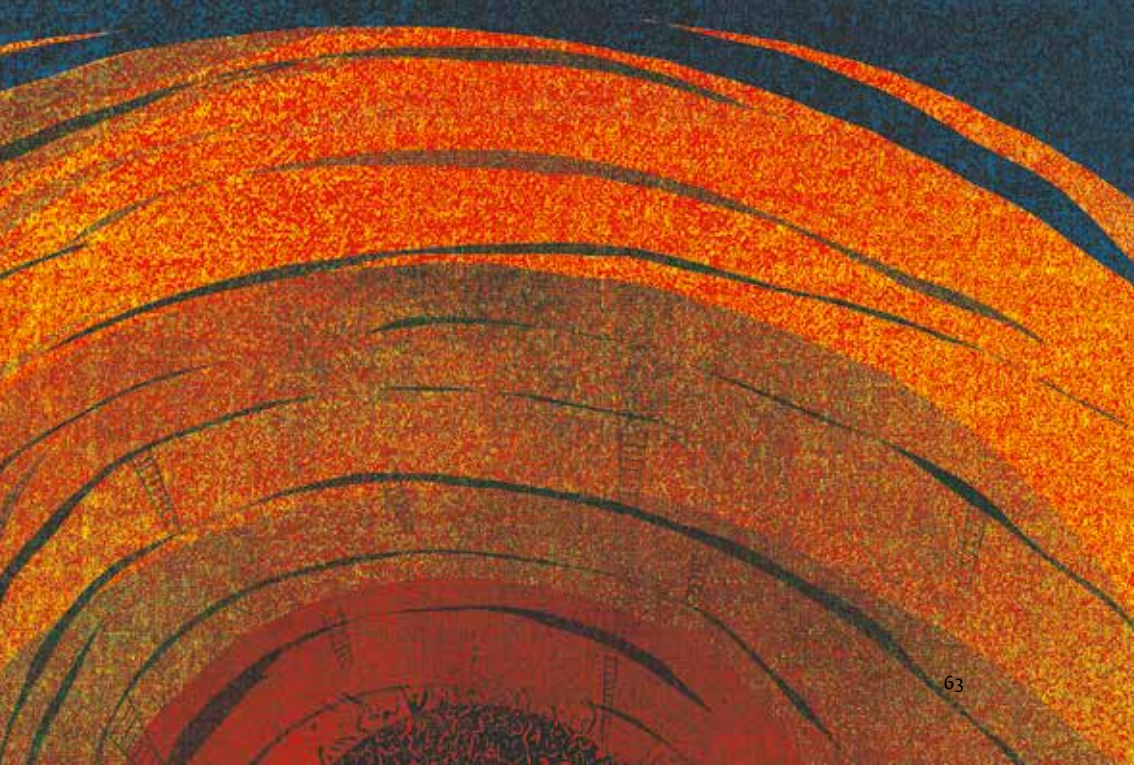
Тартар покрыт высокими лесами, погружающими его в ещё более глубокий мрак.

Сократ хочет выяснить назначение этой огромной стройки. Он обращается к Миносу, наблюдающему за работами со своего трона.

— Минос, что происходит?

— Мы ждём огромное пополнение. Мир смертных стал полем битвы. Больше нет душ, способных спасти других. А мои тюрьмы набиты битком. Вот я и попросил Дедала построить новые казематы.

— Я не вижу дна.





УДК 087.5:141СОКРАТ  
ББК 87.3(0)321-218  
М30

Данное издание осуществлено в рамках совместной издательской программы Музея современного искусства «Гараж» и ООО «Ад Маргинем Пресс»

**GARAGE**

*Ad***M***arginem*

Cet ouvrage a bénéficié du soutien des Programmes d'aide à la publication de l'Institut français

*Programme*  
*Apocthone*

Перевод с французского:  
Александра Соколинская  
Design: Yohanna Nguyen

Маршан, Ян.

М30 Сократ — президент / Ян Маршан; ил. Яна Ле Бра. —  
М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. — 64 с.: ил. — (Платон и Ко).

ISBN 978-5-91103-407-8

© Les petits Platons, 2017  
© Александра Соколинская, перевод, 2018  
© ООО «Ад Маргинем Пресс», 2018  
© Фонд развития и поддержки искусства  
«АЙРИС» / IRIS Foundation, 2018

В соответствии с Федеральным законом № 436-ФЗ  
от 29 декабря 2010 года маркируется знаком **6+**

Издатели:  
Александр Иванов  
Михаил Котомин  
Выпускающий редактор:  
Лайма Андерсон  
Корректор:  
Дарья Балтрушайтис  
Адаптация макета:  
ABCdesign

Все новости издательства  
Ad Marginem на сайте:  
[www.admarginem.ru](http://www.admarginem.ru)

По вопросам оптовой закупки  
книг издательства Ad Marginem  
обращайтесь по телефону:  
+7 (499) 763-32-27  
или пишите на:  
[sales@admarginem.ru](mailto:sales@admarginem.ru)

ООО «Ад Маргинем Пресс»,  
Резидент ЦТИ ФАБРИКА, 105082,  
Москва, Переведеновский пер.,  
д. 18, тел./факс: +7 (499) 763-35-95

Отпечатано в соответствии  
с предоставленными  
материалами  
в ООО «ИПК Парето-Принт»,  
170546, Тверская область,  
Промышленная зона  
Боровлево-1, комплекс №3А,  
[www.pareto-print.ru](http://www.pareto-print.ru)